

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2024, Том 15, № 2 / 2024, Vol. 15, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2024.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK224.pdf>

DOI: 10.15862/01SCSK224 (<https://doi.org/10.15862/01SCSK224>)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Лескова, И. В. Учет социально-значимых качеств личности осужденного в организации процесса пенитенциарной профилактики / И. В. Лескова, И. А. Уваров // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK224.pdf>
DOI: 10.15862/01SCSK224

For citation:

Leskova I.V., Uvarov I.A. Consideration of socially significant personality traits of a convicted person in the organization of the process of penitentiary prevention. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2024;15(2): 01SCSK224. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK224.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)
DOI: 10.15862/01SCSK224

УДК 316

Лескова Ирина Валерьевна

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Мытищи, Россия
Исполняющий обязанности заведующего кафедрой «Политологии и права»
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия
Заместитель директора Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных духовно-нравственных ценностей
Доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор
E-mail: leskova.i@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6083-6692>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=510760
WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/AAC-8948-2020>
SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56610215200>
Google Академия: <https://scholar.google.com/citations?user=BfYOFYMAAAAJ>

Уваров Игорь Алексеевич

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Ставрополь, Россия
Доцент кафедры «Уголовного права и криминологии»
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: uvarov.igor@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2678-7505>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=456707

**Учет социально-значимых качеств
личности осужденного в организации процесса
пенитенциарной профилактики**

Аннотация. Проблема рецидивоопасности наказания в виде лишения свободы традиционно относится к наиболее актуальным проблемам социальной науки. Это связано с тем, что, оказавшись в изоляции от общества, осужденный вынужден встраиваться в то социальное образование, которое сформировалось в местах лишения свободы. Специфические отношения, которые существуют среди осужденных в пенитенциарном социуме, накладывают определенный отпечаток и на характер тех взаимоотношений, которые считаются допустимыми в этой среде. Администрация исправительных учреждений вынуждена

учитывать сложившуюся в среде осужденных систему неформальных отношений с тем, чтобы реализовывать необходимые для исправления осужденных пенитенциарные практики. На протяжении многих десятилетий формировалась система качественной оценки личности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

В статье отмечается, что сложилась довольно нездоровая практика акцентирования внимания на криминальных особенностях личности осужденного, что стало влиять на смещение акцента в применении пенитенциарных практик от исправления к наказательности. Наиболее наглядно это прослеживается на применяемом в исправительных учреждениях института профилактического учета. Администрация предпринимает усилия по выявлению у осужденных негативных качеств личности с тем, чтобы использовать их при определении приоритетов в применении пенитенциарных практик.

Авторы предлагают рассматривать такой подход как препятствующий эффективному применению пенитенциарной профилактики. В статье предлагается сместить акцент в деятельности администрации исправительного учреждения на социально-значимые качества личности осужденного с тем, чтобы правильно определить приоритеты в процессе пенитенциарной профилактики.

Ключевые слова: личность осужденного; криминологические особенности личности; пенитенциарная профилактика; социально-значимых качеств личности осужденного

Наказание в виде лишения свободы в социально-правовой доктрине принято оценивать как наиболее рецидивоопасное. Свидетельством этому служит весьма распространенное в пенитенциарной социологии представление о том, что, оказавшись в изоляции от общества, осужденный десоциализируется.

«Общеизвестными фактами» является утверждение того, что, отбыв наказания в виде лишения свободы, индивид не имеет реальной возможности встроиться в «нормальную» жизнь. Отсюда и отрицательные последствия в виде рецидивной преступности, где общие социально-негативные показатели демонстрируют довольно устойчивый рост.

В то же время анализ литературы показывает, что основным элементом качественной оценки эффективности применяемых пенитенциарных практик являются те изменения (вне зависимости от их характера), которые относятся непосредственно к личности осужденного [1].

Специалисты здесь выделяют как минимум два самостоятельных аспекта:

1. Характер функционирования исправительных учреждений по реализации заявленных законодателем целей уголовного наказания в виде лишения свободы.
2. Характер непосредственного применения соответствующих пенитенциарных практик, призванных изменить социально-значимые установки личности осужденных.

Первое позволяет судить о том, каким образом функционирует исправительное учреждение, в котором содержится конкретный осужденный, в части, относящейся к обеспечению его жизнедеятельности.

Сюда традиционно включается организация работы всех структурных подразделений исправительного учреждения, реализующих пенитенциарные практики и иных субъектов, способных принимать участие в процессе исправления (рис. 1).

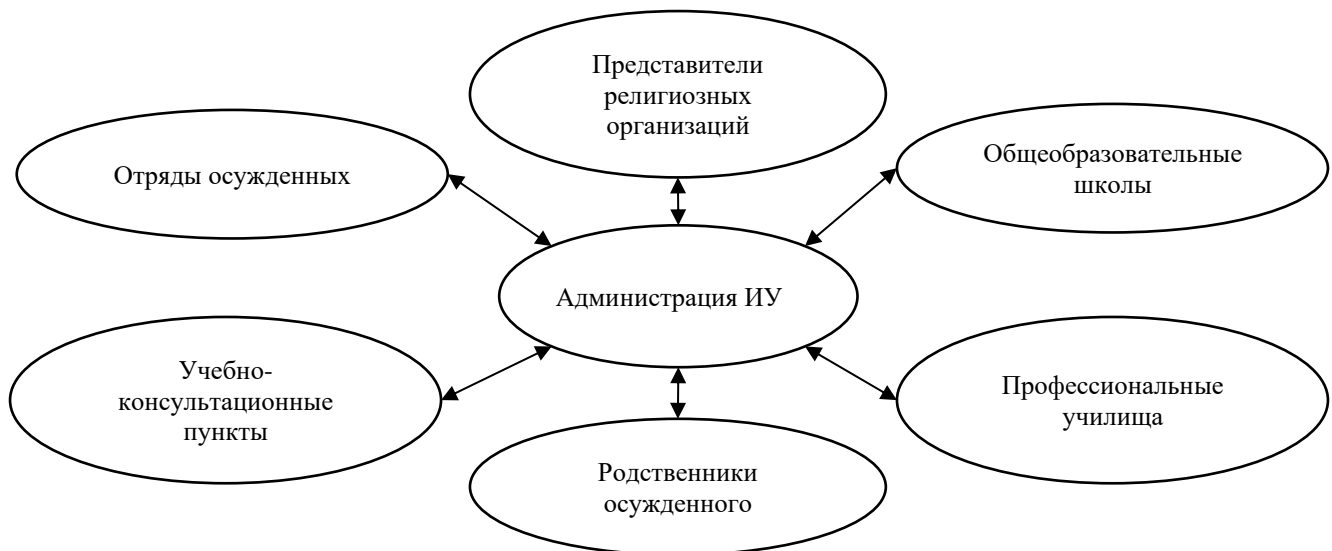


Рисунок 1. Взаимосвязь администрации со структурными подразделениями исправительного учреждения и иными субъектами исправительного процесса (разработана авторами)

Схема наглядно дает понять, какова организационно-управленческая структура исправительного учреждения, сформированная для реализации целей пенитенциарной профилактики. Для правильного понимания деятельности вышеприведенных субъектов нужно показать, каким образом происходит реализация их профилактической функции:

а) наличие властно-распорядительных императивов между администрацией исправительного учреждения и структурными подразделениями, реализовывающими воспитательные функции;

б) иные субъекты:

- религиозные объединения, наделенные таким правом законодательно [2];
- родственники осужденных, способные выполнять воспитательные функции фактически [3].

В деятельности «иных субъектов» роль администрации исправительного учреждения носит скорее регулятивный и/или координирующий характер, т. к. она не имеет необходимых властно-управленческих полномочий в организации их работы. По всей видимости, данные субъекты осуществляют некую вспомогательную роль в реализации пенитенциарных практик, обеспечивая связь осужденного с «внешним миром».

Проблемной зоной здесь, на наш взгляд, выступает личность осужденного. Приведенная схема (рис. 1), дает понять, насколько деятельность администрации исправительного учреждения детерминирована властными императивами, направленными на решение процесса организации исполнения наказания. В тоже время законодательство четко определяет, что в качестве конечного бенефициара деятельности и администрации исправительного учреждения и его структурных подразделений, наделенных правом реализовывать процесс пенитенциарной профилактики, должен быть осужденный. Именно он, как никто другой, нуждается в качественных изменениях своей личности. От этого в полной мере зависит то, насколько результативной будет применяемая пенитенциарная практика по возвращению «свободному» обществу законопослушного гражданина.

Второе четко очерчивает объем и характер непосредственно применяемых к осужденным пенитенциарных практик (рис. 2).

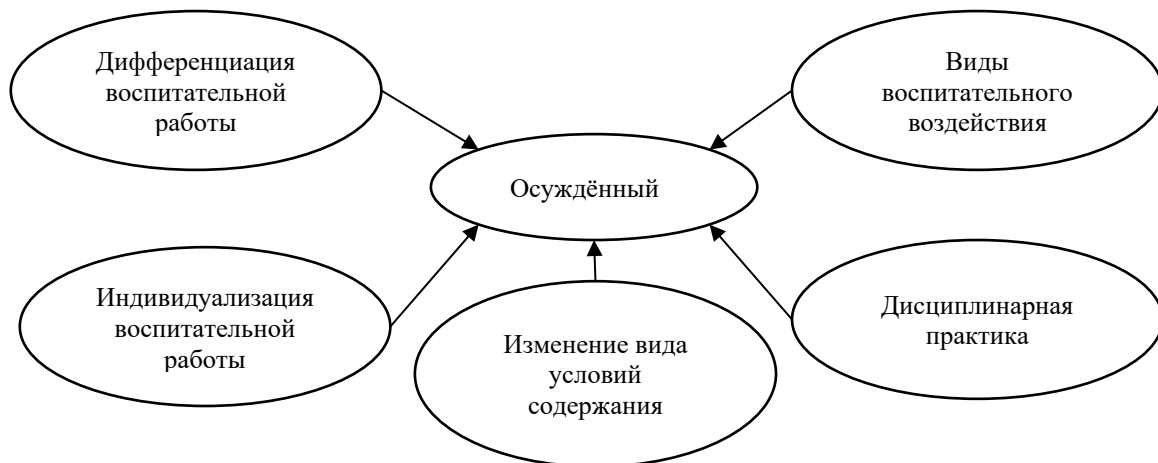


Рисунок 2. Объем и характер применяемых к осужденным пенитенциарных практик (разработана авторами)

Каждый из предоставленных на схеме элементов, определяющих объем и характер дисциплинарных практик, позволяет говорить насколько важно социологическое исследование личности осужденного с целью получения необходимого результата — исправления. Чем выше показатели, характеризующие увеличение объема позитивных качеств личности осужденного, тем вероятнее качественное изменение вида условий содержания и/или его правового статуса. Наиболее последовательно это отмечалось в советский период, когда на уровне исправительно-трудового законодательства регулировались такие социально-правовые категории, как «степень исправления». Действующее законодательство отказалось от такой классификации, и теперь она носит условный характер. По мнению Л.Ю. Перемолотовой, здесь в качестве своеобразных индикаторов, позволяющих судить о качественных изменениях личности осужденного, можно определить такие законные интересы, как:

- условно-досрочное освобождение;
- условное освобождение;
- помилование;
- замена неотбытой части лишения свободы более мягким наказанием [4].

В современной пенитенциарной теории и практике сложилась определённая тенденция в установлении качественных признаков личности осужденного. Основной упор исследователи делают на те, которые позволяют рассматривать осужденного как сугубо негативную личность. Отсюда и убежденность в том, что для определения приоритетов в выборе пенитенциарной стратегии исправительного воздействия на осужденного является наличие у него «криминологических особенностей личности». При таком подходе закономерным будет установление лишь тех качеств, которые «позволяют с высокой степенью вероятности определить лиц, склонных к совершению преступлений» [5]. Однако априорность такого суждения по непонятным причинам «ускользает» от внимания исследователей. На наш взгляд, вполне очевидным является тот факт, что лицо, совершившее единожды общественно опасное деяние, безусловно, может в зависимости от конкретной жизненной ситуации сделать это повторно.

Поэтому разработка индивидуально-воспитательных стратегий, основанных только на криминологических (социально-негативных) качествах личности осужденного, не всегда может быть продуктивной с точки зрения ее позитивных изменений. В теории социальной профилактики приятно выделять совокупность тех свойств и качеств личности, которые способны играть позитивную роль в достижении тех результатов, которые были определены

соответствующими акторами. Если экстраполировать такого рода представление на процесс пенитенциарной профилактики, то для определения средств индивидуально-профилактического воздействия на конкретного осужденного необходимо знание абсолютно всех качеств его личности. Поэтому основываться только на социально негативных — это, по сути, прямой путь к усилению карательной сущности наказания в виде лишения свободы, что можно рассматривать как фактический отказ от целей исправления осужденных и переориентирование на кару — подавление личности силой закона.

На наш взгляд, об учете негативных качеств личности осужденного можно говорить лишь тогда, когда в процессе исполнения уголовного наказания он демонстрирует устойчивые поведенческие стереотипы, препятствующие его исправлению.

Для этой категории осужденных существует специфическая форма индивидуально-профилактического воздействия — «постановка на профилактический учет» [6].

В принципе данная форма учета личностных особенностей осужденного, безусловно, имеет право на существование, хотя и вызывает массу нареканий со стороны сотрудников исправительных учреждений, которые осуществляют эту деятельность. В основном это касается так называемого «формального подхода» со стороны контролирующих деятельность соответствующих структурных подразделений исправительного учреждения служб. «Формальный подход» здесь заключается в том, что от непосредственных исполнителей требуют ставить на профилактический учет всех осужденных, которые по каким-либо формальным признакам «подпадают» под требования законодательства, исключая при этом наличие иных признаков, характеризующих его личность [7]. Это нарушает «принцип индивидуальности» в организации воспитательно-профилактического воздействия на осужденного, снижая ее эффективность. Для наиболее действенной системы индивидуальной профилактики, осуществляемой в период отбывания наказания, было бы целесообразно учитывать максимальное количество признаков, характеризующих личность осужденного.

На наш взгляд, не стоит соглашаться с мнением тех авторов, которые допускают возможность исключения из качественной оценки личности осужденного отдельные признаки, объясняя это необходимостью «недопущения совершения ими преступлений» [8].

Такой «узкий» подход к определению качеств личности осужденного существенно снижает профилактическую сущность наказания в виде лишения свободы. Кроме того, учитывая, что осужденный подвергается пенитенциарным практикам в условиях закрытого социального образования, игнорирования отдельных признаков, характеризующих его личность, может привести к прямо противоположным результатам. Достаточно сказать, что в общественном сознании к общеизвестным фактам принято относить представление о том, что лишение свободы может формировать только криминально-ориентированную личность.

Отчасти, исходя из желания изменить такого рода представления о наказании в виде лишения свободы, законодатель и Федеральная служба исполнения наказаний предпринимают попытки создания «позитивного» представления о нем. Этому служит и принятие «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года», и целый ряд инициатив реализуемых на уровне соответствующих федеральных и региональных ведомств. В тоже время здесь наблюдается определенного рода «перекос» в определении приоритетов, где в качестве основной цели предлагают рассматривать снижение рецидива преступлений среди лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Причем, мы говорим именно о «перекосе» потому, что достижение заявленных целей предполагается достигать «за счет повышения уровня социальной и психологической работы с осужденными и развития постпенитенциарной помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы» [9; 10].

К сожалению, такого рода постановка вопроса носит исключительно декларативный характер в силу того, что под эти задачи не предусматриваются какие-либо реальные шаги. Это прежде всего касается кадрового обеспечения соответствующих структурных подразделений. Достаточно сказать, что в каждом исправительном учреждении в наличии (при условии, что должность не вакантна) один психолог и один социальный работник. Закономерным в этой связи будет вопрос, каким образом во исполнение вышеприведенной Концепции будет реализовываться «повышение уровня» этих двух направлений? Хронический некомплект сотрудников в исправительных учреждениях российской уголовно-исполнительной системы ведёт к тому, что криминогенная обстановка в них характеризуется высокой степенью интенсивности [11]. Не всегда понятно, почему специалисты, констатируя этот факт, стараются определить уровень криминогенности, минуя соответствующую оценку среде осужденных [12].

Даже в тех случаях, когда авторы констатируют специфическую полукриминальную или криминальную среду пенитенциарного социума, они упускают из виду, что повторные преступления совершаются не в период отбывания наказания, а уже тогда, когда осужденный освобожден. Не вполне корректным, на наш взгляд, является убежденность многих ученых в том, что если человек после отбывания наказания совершит какое-либо общественно опасное деяние, то это является следствием неэффективной работы уголовно-исполнительной системы [13]. В литературе уже устоявшимся и безапелляционным фактом является констатация того, что это следствие «упорного стремления индивида продолжить свою противоправную деятельность» [14]. Такого рода категоричные утверждения не имеют реального социологического подтверждения. Представители пенитенциарной социологии, не имея реальной возможности получать эмпирические данные о социально-значимых качествах осужденных и освобожденных, идут по пути наименьшего сопротивления. Традиционно это аргументируется статистическими данными и «общепринятым в обществе отношением (мнением)» [15]. «Разброс» в количественных показателях рецидива среди освобождённых из мест лишения свободы довольно большой:

- 50–51 % (по данным В.Е. Бурого [16]);
- 56 % (по данным Ю.А. Позднякова и В.В. Пасынков [17]).

Поэтому строить социологические оценки на такого рода данных, весьма сложно. Они, как правило, носят вероятностный характер, так же как приведенные выше статистические показатели.

Другой социологический аспект, обосновывающий детерминанты рецидива преступлений — «общественное мнение», тоже не имеет верифицированных данных. Здесь безапелляционно можно говорить лишь о том, что обычные граждане обоснованно будут всегда настороженно относиться к лицам, отбывавшим наказание в виде лишения свободы. Это, конечно же, всегда субъективно, но человек, преступивший закон (имеющий криминальное прошлое), меньше вызывает доверие у обычных граждан, чем условно — «законопослушный».

Объективным, на наш взгляд, является объем тех социальных гарантий, на которые может рассчитывать бывший осужденный. Вот здесь можно соглашаться со всеми авторами, которые пишут на эту тему. Наличие объективных сложностей по трудовому и бытовому устройству негативно сказывается на общем процессе адаптации бывшего осужденного к условиям жизни «на свободе». Именно в этот период времени у отбывшего наказание есть реальный шанс продемонстрировать все те социально значимые качества личности, которые у него есть. Именно эти качества должны были фиксироваться в период отбывания наказания и затем использоваться в ходе применения пенитенциарных практик. В советский период времени это именовалось — «опора на положительные качества осужденного» [18].

Современная система исполнения наказания в виде лишения свободы существенно «проигрывает» советской в этом компоненте. Пожалуй, это и является одной из причин, почему по прошествии стольких лет нас стараются убедить в ее неэффективности [19]. Адаптационные возможности для освободившегося из мест лишения свободы человека сегодня в полной мере зависят от наличия у него социально значимых качеств, позволяющих ему «встроиться» в современные условия жизни. И если в период пребывания в условиях изоляции от общества эти качества не только устанавливались, но еще и максимально развивались или хотя бы поддерживались, положительный эффект от применения пенитенциарных практик мог более ощутимым.

На сегодняшний день можно констатировать, что те усилия, которые направлены на установление и нивелирование социально негативных качеств личности осужденного, хотя и имеют значение для организации процесса исполнения наказания, в тоже время существенно снижают исправительный потенциал применяемых пенитенциарных практик. Невозможность для осужденного «применять» положительные социальные качества в условиях изоляции от общества, дают возможность развиваться отрицательным. Пенитенциарное сообщество очень чувствительно к вопросам качественной оценки личности осужденного, что позволяет максимально использовать тот потенциал, которым обладает индивид. Не случайно все недостатки в работе отечественной уголовно-исполнительной системы в полной мере используются пенитенциарным сообществом для консолидации больших масс осужденных в своих интересах [20]. Специалисты единодушны во мнении, что такого рода ситуация является питательной средой для формирования негативных социальных установок личности осужденных. Сюда принято относить:

- рост преступного профессионализма [21];
- распространенность криминальной (пенитенциарной) субкультуры¹;
- повышение агрессивно-насильственных установок как основы для разрешения конфликтных ситуаций²;
- негативные изменения качественного состояния личности осужденного [22].

На основании этого можно говорить о том, что личность осужденного является главным объектом применения пенитенциарных практик, реализуемых в условиях закрытого социума. Важно учитывать причинно-следственную связь между адаптированностью осужденного к закрытому социуму и применяемым к нему пенитенциарным практикам как условию для их эффективности. Сюда же следует относить и виды самих применяемых практик, которые должны варьироваться от степени криминализации личности конкретного осужденного. В литературе высказывается предположение, что адаптированность осужденного является основой для определения характера и объема воспитательно-профилактического воздействия на него. Л.Ю. Перемолотова предлагает рассматривать осужденных по уровню их десоциализации (социализации) к условиям исправительного учреждения:

- «абсолютно десоциализированные» — осужденные, которых «отторгает» пенитенциарный социум;

¹ Анфиногенов, В.А. Субкультура осужденных и её влияние на их поведение в условиях изоляции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Анфиногенов Василий Анатольевич. — Саратов, 2016. — 22 с.

² Емельянов, Н.С. Криминологическое исследование конфликтов с участием осужденных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. С. Емельянов. — Рязань, 2015. — 21 с.

- «частично десоциализированные» — осужденные, которые органичны с неформальной средой пенитенциарного социума (как правило, входящие в пенитенциарное сообщество или сочувствующие ему);
- «успешно социализированные» — осужденные, которые в полном объеме принимают требования порядка и условий пребывания в местах лишения свободы [4; 5].

«Слабым местом» такой типологии является ее ориентация на требования действующего уголовно-исполнительного законодательства — криминологический подход. Обращает на себя внимание, что вторая и третья типологические категории определяются на основе их отношения к нормативно-правовому регулированию пребывания в условиях исправительного учреждения. Вполне закономерный методологический подход. Но тогда первая категория осужденных «выбивается» из этого «ряда» в силу ее социальной природы — неформальная оценка со стороны пенитенциарного социума. Кстати, именно пенитенциарный социум, руководствуясь сложившейся в нем системой ценностей, и определяет «абсолютность» десоциализированности личности осужденного. Администрация исправительного учреждения вынуждена здесь лишь рефлексировать на те качественные оценки, которые дают такому осужденному представители неформальной иерархической структуры. Проблемным, на наш взгляд, будет лишь природа такой десоциализации:

- социально-этническая и/или религиозная — отрицательное отношение к представителям определенных этнических и религиозных сообществ;
- социально-профессиональная — отрицательное отношение к представителям определенных профессий;
- социально-юридическая — отрицательное отношение к осужденным, совершившим преступления, которые считаются в пенитенциарном социуме недопустимыми;
- социально-медицинская — отрицательное отношение к осужденным, имеющим проблемы со здоровьем (психические отклонения, «социальные болезни», возраст, инвалидность).
- иные социальные условия, отрицательное отношение к которым могли быть сформированы в конкретном пенитенциарном социуме (классификация здесь существенно затруднена в силу того, что «безделье» осужденных продуцирует различные основания для десоциализации — например, виды удовлетворения половых потребностей).

Неоспоримым достоинством предложенной авторами типологии является то, что ее можно использовать как с позиции формальных требований, которые предъявляются осужденному, так и с точки зрения неформальных. Важным здесь являются исключительно те социально-полезные или социально-негативные качества, которые фиксируются с одной стороны пенитенциарным социумом, а с другой — администрацией исправительного учреждения, учитывая, что пенитенциарный социум может одни и те же качества рассматривать как полярные или вариационные, в зависимости от конкретной ситуации. Администрация исправительного учреждения такой возможности не имеет, т.к. ее деятельность основана на требованиях действующего законодательства. Это является контрпродуктивным в силу того, что в отечественной пенитенциарной науке уже давно сформировалось представление о том, что «изменения личности осужденного начинаются с момента его адаптации к условиям исправительного учреждения» [23].

В период нахождения в условиях изоляции от общества, осужденный имеет реальную возможность для кардинального пересмотра своей предшествующей жизни. На наш взгляд, это, пожалуй, важнее того, что предлагают (предполагают) в отечественной криминологической и уголовно-правовой доктрине — пересмотреть свое отношение к собственной противоправной деятельности. Дать оценку (желательно негативную) тому общественно опасному деянию, которое привело осужденного к наказанию [24].

По нашему мнению, если концентрировать внимание осужденного только на негативных качествах, то это будет создавать условия для его ретроспективного взгляда на прошлое исключительно с позиции правовой оценки деяния: «Я совершил — поймали — наказали». Наверняка здесь встанет дилемма исключения из этой логической цепочки звена «поймали». Его исключение предполагает и отрицание наказания как реакцию государства на совершение общественно опасного деяния. Таким образом, осужденный начинает оценивать свое предшествующее поведение исключительно с правовой точки зрения, что, по сути, нивелирует положительное значение тех пенитенциарных практик, которые направлены на позитивные ориентиры. Мы убеждены в том, что только осознание своего прошлого с позиции социальной полезности дает осужденному реальный шанс видеть свои отдаленные перспективы в виде адаптации к условиям «свободной» жизни. Только в этом случае все планы на будущее будут формироваться на позитивных установках.

Подводя итог рассмотренным в статье вопросам, связанным с необходимостью учитывать социально-полезные качества личности осужденного в определении приоритетов в реализации пенитенциарной профилактики, необходимо отметить следующее:

1. Отечественная уголовно-исполнительная система существует для решения важных государственных задач, связанных с воспитательно-профилактическим воздействием на лиц, преступивших закон.
2. Пребывание осужденного в условиях закрытого социума должно способствовать формированию (сохранению и/или развитию) социально значимых свойств и качеств личности.
3. «Возвращение» осужденного в «открытое» общество должно сопровождаться системной работой по «закреплению» всех социально-значимых качеств его личности.
4. Наличие действенных механизмов по реализации закрепленных в законодательстве целей применяемого наказания в виде лишения свободы служит условием качественной оценки его эффективности.

Таким образом, ни одно из вышеназванных положений не может быть реализовано без изучения личности осужденного как объекта, на который направлена деятельность уголовно-исполнительной системы. Сложившаяся на протяжении всего постсоветского периода практика установления только социально-негативных качеств личности осужденного ведет к тому, что акцент в применении пенитенциарных практик начинает «смещаться» от исправительного к наказательному. Изменение характера современных пенитенциарных практик возможно в том случае, если они будут строиться на учёте не криминогенных, а на социально полезных качествах личности осужденных. Это показывает, насколько изучение таких особенностей личности осужденного может быть полезным для практической деятельности отечественной уголовно-исполнительной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уваров, И.А. Организация процесса пенитенциарной профилактики с точки зрения социологии личности / И.А. Уваров // Russian Economic Bulletin / Российский экономический вестник. — 2020. — Т. 3. № 6. — С. 150–154.
2. Зязин, С.Ю. Ресоциализирующее воздействие пенитенциарных учреждений на осужденных, исповедующих Ислам / С.Ю. Зязин // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/55SCSK123.pdf>.
3. Уваров, И.А. О признании родственников осужденных самостоятельными субъектами пенитенциарной профилактики / И.А. Уваров // Мировой судья. — 2008. — № 1. — С. 4–7.
4. Перемолотова, Л.Ю. Учет криминологических особенностей личности осужденного при исполнении наказаний в виде лишения свободы в исправительном учреждении / Л.Ю. Перемолотова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2014. — № 8(147). — С. 25–29.
5. Перемолотова, Л.Ю. Значение особенностей личности осужденного при осуществлении профилактического воздействия / Л.Ю. Перемолотова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2015. — № 3(33). — С. 76–81.
6. Горовой, В.В. Основания постановки на профилактический учет в уголовно-исполнительной системе / В.В. Горовой // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. — М.: НИИ ФСИН России, 2022. — Том Выпуск 1. — С. 56–60.
7. Уваров, И.А. Антиобщественное поведение осужденных к лишению свободы в системе объектов пенитенциарной профилактики / И.А. Уваров // Человек: преступление и наказание. — 2008. — № 1(60). — С. 95–97.
8. Перемолотова, Л.Ю. Криминологические особенности личности осужденных, влияющие на безопасность персонала мест лишения свободы / Л.Ю. Перемолотова, И.А. Уваров // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 4. — С. 112–119.
9. Уткин, В.А. Новая концепция развития уголовно-исполнительной системы: основания и принципы / В.А. Уткин // Вестник Кузбасского института. — 2018. — № 4(37). — С. 99–103.
10. Селиверстов, В.И. Уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные исследования и их отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года / В.И. Селиверстов // Уголовно-исполнительное право. — 2019. — Т. 14(1–4) — № 2. — С. 119–127.
11. Малкова, Л.Л. Профилактика текучести кадров и повышение уровня трудовой мотивации персонала учреждений ФСИН России / Л.Л. Малкова // Актуальные вопросы права, психологии, педагогики и экономики: Сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава ВИПЭ ФСИН России. В 2-х частях. — Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2021. — Том Часть 1 — С. 177–183.

12. Авакян, Л.А. Группы отрицательно настроенных осуждённых и их влияние на криминогенную обстановку в местах лишения свободы / Л.А. Авакян // Российский криминологический взгляд. — 2014. — № 1. — С. 432–434.
13. Многократный рецидив преступлений: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. — Рязань: Академия ФСИН России, 2009. — 315 с.
14. Нешпор, Е.А. Причинно-следственные связи, подлежащие учету в процессе искоренения постпенитенциарного рецидива / Е.А. Нешпор // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. А.И. Долговой. — М.: ООО «Российская криминологическая ассоциация», 2018. — С. 144–151.
15. Сивцова, А.Ю. Нормативное регулирование защиты персональных данных в законодательстве Франции при исполнении уголовных наказаний в виде лишения свободы / А.Ю. Сивцова, С.А. Сивцов // Гуманитарный научный вестник. — 2022. — № 2. — С. 159–164.
16. Бурый, В.Е. Влияние адекватной социальным условиям криминологической типологии преступников (осужденных) на эффективность их ресоциализации и социальной адаптации / В.Е. Бурый // Человек: преступление и наказание. — 2017. — Т. 25 — № 2. — С. 219–225.
17. Поздняков, Ю.А. Современное состояние рецидивной преступности в России / Ю.А. Поздняков, В.В. Пасынков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 10-3(73). — С. 158–161.
18. Игнатенко, В.И. Принцип опоры на положительные качества осужденного в его исправлении, предложенный Ю.В. Бышевским — основа пенитенциарной профилактики / В.И. Игнатенко, И.А. Уваров // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. — 2016. — № 1(17). — С. 246–251.
19. Варнавский, А.П. Генезис системы уголовных наказаний в советский период / А.П. Варнавский // Державинские чтения: Материалы XXII Всероссийской научной конференции, Тамбов, 24–28 апреля 2017 года, Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2017. — Том Выпуск 1. — С. 16–21.
20. Уваров, И.А. Солидаризация пенитенциарного сообщества как особый вид социально-коммуникативных связей / И.А. Уваров // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 7(149). — С. 40–43.
21. Репецкая, А.Л. Криминальный профессионализм постсоветского периода: трансформация признаков и ее детерминация / А.Л. Репецкая // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. — № 4(9). — С. 228–235.
22. Анфиногенов, В.А. Ценности осужденных и их значение в местах лишения свободы / В.А. Анфиногенов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 4. — С. 69–71.
23. Дятлов, Ю.Н. Некоторые вопросы структурирования процесса трудовой адаптации осужденных к лишению свободы / Ю.Н. Дятлов // Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы: Материалы научных мероприятий, Псков, 02 ноября — 14 ноября 2018 года. — Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2018. — С. 82–88.
24. Антонян, Ю.М. Детерминация криминогенной мотивации поведения осужденных, определяемая субъективным восприятием наказания / Ю.М. Антонян, Е.Н. Колышницына // Общество и право. — 2009. — № 3(25). — С. 144–155.

Leskova Irina Valerievna

Federal State University of Education, Mytishchi, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: leskova.i@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6083-6692>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=510760

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/AAC-8948-2020>

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56610215200>

Google Scholar: <https://scholar.google.com/citations?user=BfYOFYMAAAAJ>

Uvarov Igor Alekseevich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Stavropol, Russia
E-mail: uvarov.igor@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2678-7505>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=456707

Consideration of socially significant personality traits of a convicted person in the organization of the process of penitentiary prevention

Abstract. The problem of the recidivism of punishment in the form of imprisonment, traditionally refers to the most pressing problems of social science. This is due to the fact that being isolated from society, the convict is forced to integrate into the social education that has been formed in places of deprivation of liberty. The specific relationships that exist among convicts in the penitentiary society also leave a certain imprint on the nature of those relationships that are considered acceptable in this environment. The administration of correctional institutions is forced to take into account the system of informal relations that has developed among convicts in order to implement penitentiary practices necessary for the correction of convicts. For many decades, a system of qualitative assessment of the personality of convicts serving sentences of imprisonment has been formed. The article notes that there is a rather unhealthy practice of focusing on the criminal characteristics of the convict's personality, which began to influence the shift in emphasis in the application of penitentiary practices from correction to punishment. This is most clearly seen in the institute of preventive accounting used in correctional institutions. The Administration is making efforts to identify negative personality traits in convicts in order to use them in determining priorities in the application of penitentiary practices. The authors propose to consider such an approach as hindering the effective use of penitentiary prevention. As a result, the article proposes to shift the focus in the activities of the correctional institution administration to socially significant personality traits of the convicted person in order to correctly determine priorities in the process of penitentiary prevention.

Keywords: personality of the convicted person; criminological features of the personality; penitentiary prevention; socially significant personality traits of the convicted person